

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

ДИАНА ЧАЙКОВСКАЯ

По
ВОЛЧЬИМ
СЛЕДАМ

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

ПРОЛОГ

1.

— Лебедин мой, лебеди-ин, — протяжно завывали девки у порога, да так звонко, что Маржана чуть не уронила каганок. — Лебедь белый-молодо-ой¹...

Хоть их Зофья и шла за Бохдана по любви, а всё равно мать позвала голосистых кметок да старых плакальщиц, чтобы повыли как следует и проводили молодую в иную жизнь. Пока те поливали слезами порог, Маржана и Любашка вертелись вокруг сестры и причёсывали её волосы, вплетая в них багряные ленты, подаренные Бохданом, и тонкую рыболовную сетку, что защищала каждую молодицу от сглаза.

— То Бохдан велича-аетсяя-а, — выло у окна. — Лебедин мой, лебеди-ин...

¹ Свадебная восточнославянская песня.

Свадебное платье лежало на постели. Удивительное дело: все украшения должен был принести жених, в то время как невеста — выткать платье задолго до свадьбы.

— Лебедь белый-молодо-ой...

— Слышать их не могу! — фыркнула Маржана, отбросив в сторону гребень. — Уж какой день подряд воют!

— Ну потерпи уж! — скрипнула зубами Зофья. — Мне и так недолго осталось!

Маржана вздохнула и продолжила расчёсывать пшеничные космы сестры. Ей не нравилось всё: плакальщицы у порога, свадьба перед самым концом войны, а ещё — то, что коровы не доились полседмицы и стояли пустые, не давая ни капли молока. Самое время подумать, что в деревне завелась новая ведьма, но стоило взглянуть чародейским взглядом — как нет, не было рядом ворожбы, никто не колдовал, кроме неё самой.

Если бы мать узнала, наверняка бы закричала и потащила за волосы к осине, мол, вот твоё деревце, обнимай да скидывай ворожбу, а то худо будет. Зофья и Любашка — то две берёзоньки, ладные да послушные, только с Маржаной не ладилось, хотя она старалась.

А все потому, что по деревне гулял слух о том, как волхв предсказал ей когда-то: при княжении Мораны родит их мать получеловека, полузверя, который навлечёт беду на целое воеводство. Следующей зимой на свет появилась Маржана, прямиком на Карачуна, когда всюду жгли костры, носили вывернутые кожухи, рядились в маски, сливаясь с навями. Гул, смех и песни заглушали крики матери, что плакала от боли в бане и просила побольше тёплой воды да пшена с полынюю — чтобы отпугнуть нечисть и позволить богам благословить младенца.

Когда роды закончились, раздался волчий вой вдали. Пронзительный, пробирающий до костей. Веселье стихло, захлопали ставни. Перепуганные люди спрятались в горницы и сидели, задвинув заслонки печи и сжимая в руках поlynные, еловые ветки да самодельные обереги из ниток. Страх заполонил их сердца, а позже сменился обидой за испорченный праздник. Досталось, конечно, Маржане, больше винить было некого.

Потому мать на неё злилась. Била кочергой за проделки и мечтала выдать замуж. Конечно, первой на очереди была Зофья, и только после — Маржана. Любашке пред-

стояло идти последней, хоть та и первой нашла себе жениха.

— Лебедин мой, лебеди-ин, лебедей белый-молодо-ой!..

Какая гадость! Маржана с облегчением доплела косу и, оставив Зофью переодеваться, выскользнула через сени во двор, где собрались зеваки, а оттуда — за избу к хлеву. В коровнике было подозрительно тихо. Уж не померла ли их Марыська? Маржана взглянула внутрь — нет, живая. Корова стояла и ровно дышала, но взгляд у неё был какой-то пустой, словно... Словно ворожили совсем рядом. Вот ведь загадка!

Маржана хотела подойти поближе и осмотреть скотину, но её окликнула Любашка. Пришлось закрыть дверь и повернуться к сестре.

— Чего ты такая кислая ходишь? — та взглянула косо и тут же недобро прищурилась. — Али жених сестрицын по сердцу пришёлся?

Ах, конечно. Она всегда отчего-то боялась Маржаны и вечно следила за ней, вынюхивала, словно голодная псина, жаждавшая хозяйской ласки. Вот только их мать всегда больше всех любила Зофью, а Любашку — так, нет-нет, да пригладит, а после прого-

нит. А та стелилась, лезла, жаждала материнской ласки и похвалы, настолько, что готова была очернить другую сестру или ещё кого. Вот и доставалось Маржане, «волчьему отродью».

— Не мели небылиц, — она поморщилась. — Обождать нельзя было? Война седмицу назад закончилась, лихое время для свадеб.

— В нашем-то воеводстве давно покойно, — отрезала Любашка.

— Ага, и коровы просто так не доятся, — Маржана покачала головой и пошла обратно в избу.

Там уже загнали Зофью за печь и готовились к приходу Бохдана вместе с его дружками — сальными проходимцами. И что только сестра нашла в нём? Косая сажень, руки как две дубины, а щёки такие, что лицо в печь не влезет. Багряный кафтан, расшитый пояс, сафьяновые сапоги? Но жить-то Зофье не только с сапогами и большими скрынями, а гордый нрав мог обернуться бедой, как это уже бывало много раз.

Маржана тяжело вздохнула. Ну и ладно, пусть идёт, лишь бы по любви, чтобы не приходилось плакать и жалеть о том, что спрятала волосы под платком раньше времени.

2.

Чонгар долго всматривался в лицо мёртвого Агнеша, пока, наконец, не решился и не завязал ему глаза белой лентой, чтобы никто не похитил дух и чтобы тот добрался до иного мира.

Агнеш не должен был идти на эту войну, не должен был воевать за чужое воеводство и слушаться сотника, который приказал ему сражаться в первых рядах, несмотря на раненую руку и кривой меч, сломавшийся в очередном бою. Чонгар просил поменять их местами, но нет: *«Приказ великого князя»*.

«Ты ведь не ослушаешься его и не станешь смутьяном, как наши враги?»

Чуда не случилось. Боги не защитили Агнеша. Чонгар долго кричал так, будто ему самому всадили меж рёбер меч, трясся возле мёртвого тела, пока все вокруг праздновали победу — пировали днями и ночами, кричали восторженно и обнимали продажных девок.

Чонгар ушёл, забрав с собой тело Агнеша и страшную клятву. Он похоронит младшего брата и вернётся, чтобы отомстить — убить их сотника и отнять у великого князя самое дорогое. Он не был мягкотелым, и всё же сердце разрывало от боли.

Они ели с одной миски, купались в одной реки и даже делили исподние рубахи, а, став старше, болтали всякое про девок и вместе ходили подсматривать за ними на речку. Чонгар любил Агнеша сильнее, чем любой хлопец — свою суженую. Из одной крови, из одной плоти, из одного рода.

Там, на бойне, он хрипел, полулежал рядом с младшим братом. Сначала Чонгар молил богов защитит его, затем — воскресить, а теперь — помочь ему в мести или хотя бы не мешать. Если надо, он посеет смуту похлеще прежней и утопит в ней целое воеводство, а то и несколько. И оно будет того стоить.

— Надо унести тело, а затем всё засыпать зерном, — отозвалась знахарка. — И дорогу услать крапивой и колючками.

— Да, — кивнул Чонгар.

И всё же отпускать Агнеша было тяжело. Мужики понесли его тело к погребальному костру. Знахарка дождалась, пока Чонгар покинет избу, затем начала рассыпать просо по полу. Так уж было заведено: чтобы Смерть не проникла в дом, приходилось отгонять её Жизнью.

Остальное Чонгар помнил смутно. Он тащился к погребальному костру, тяжело

ступая, пытался в последний миг схватиться за Агнеша, но его оттащили мужики, рыдал, бил кулаками землю, а после... После Чонгар сидел у трактира и пил палёную воду без всякой закуски. Да, пришлось очиститься пламенем, чтобы его не приняли за вестника Смерти, согреть руки у обычного костра, как велела знахарка.

От пустоты в груди становилось больно. Чонгар пил ещё больше, и плевать, что болит живот, что и так кружится голова... Плевать. Плевать. Плевать.

Он потерял половину себя и он вернёт её, когда прольёт чужую кровь, умоется ею и оживёт — так, как оживал Хорс после червонного заката и непроглядной ночи.

3.

Сколько раз братья говорили Томашу: «Не бегай по воеводствам просто так, не отходи далеко от княжеского терема». Даже гридней приставляли, которые ходили за ним след в след, словно псы.

Только Томаш — свободолюбивый волк. Как и его братья, Кажимер и Войцех, он с малолетства познал оборотничество и смог перекидываться зверем. Каждый из них уходил в лес с бараном под рукой, приносил жертву

Лешему, за что тот открывал тайную тропку и приводил княжеских сынов в волчье логово. Там обитали оборотни и старые волки, что знали людской язык, но не имели человеческой души.

Это был старый уговор, который заключил их род с волчьим. Оборотни давали чародейскую силу, знания, удачу, но если ребёнок не мог одолеть зверя изнутри, то он терял разум, превращался в волка и оставался жить в стае. Подобное случилось с их дядькой Михлой. Он ушёл в лес, превратился в волка, но не смог перекинуться обратно.

За счёт таких неудалых оборотней укреплялся волчий род. Свежая людская кровь, как-никак.

Но Кажимеру, Войцеху и Томашу повезло. Наверное, ему — чуть меньше, ведь лес и путешествия манили несказанно. Оттого Томаш постоянно сбегал, не слушался братьев. Сперва он бродил по окрестностям и возвращался под утро, а когда понял, что его однажды просто не выпустят, то заранее запрягал кошель с деньгами, простецкую одежду, а затем перевернулся и убежал в соседнее — Приозёрское — воеводство.

Жаль, конечно, что волки, а не медведи — вот где всё величие! Лесной царь часто бродил

по окрестностям в этом облике или оборачивался стариком в медвежьей шкуре. И немудрено: в любой части Звенецкого княжества уважали и почитали медведей побольше, чем волков.

Вот и теперь проголодавшемуся Томашу приходилось прокрадываться в чужой хлев и лакать коровье молоко по ночам, пока спали хозяева. Он не мог просто войти в дом, иначе Кажимер и Войцех сразу узнали бы и прислали гридней. И всё — здравствуй, неволя и терем с охающими нянюшками. Одним словом — тьфу, как говорили дворовые девки.

Напившись коровьего молока, Томаш отсыпался в перелеске. В конце зимы весь люд сидел в избах и грелся, да и охотиться на волков было запрещено. Это всё равно что убить медведя, а убить медведя — как оскорбить хозяина леса.

Звериными ушами Томаш слышал шум и понимал: собирались справлять свадьбу. Интересно, каково оно у деревенских? Тоже празднуют по три дня, разводят и сводят жениха с невестой, пока, наконец, не случается первая ночь? Вот бы поглядеть!.. Недолго думая, он сорвался с места и побежал между деревьями, собираясь хоть одним глазком взглянуть на невесту и жениха...

I.

ЧУЖАЯ ШКУРА

Сказал бы словечко, да волк недалечко

Народная пословица

1.

Зофью возили по всей деревне с песнями и плясками. Ещё бы — каждый должен был знать, что девка выходит за кузнеца Бохдана, а кузнец — всё равно что купец в их Горобовке. Трудится много, в дар получает не только железо, но и ткани, шкуры, рушники, зерно. От голода не перемрут, да и в избе лад будет.

Маржане хотелось верить и поддаться всеобщему веселью, но думы в голову шли другие. Купцы-то сидят за городскими стенами, носят кафтаны с вышивкой каждый день, а не по праздникам, а дочери их не держат в руках ничего тяжелее иголки с ниткой. Пожелай мать выдать Зофью за купца,